

Раздел II
ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВОПРОСОВ
ПОДРОСТКОВОГО ВОСПИТАНИЯ

Part II. PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE ISSUES
OF TEENAGE EDUCATING

УДК 374 + 37.0 + 159.922.8

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ
ОПЫТА КОРРЕКЦИИ ВОЗРАСТНОГО КРИЗИСА
ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Т. И. Головки (Барнаул)

Данный материал посвящен анализу опыта народной педагогики в коррекции кризиса взросления подростков. Рассматривается позитивный, хотя и фрагментарный опыт соединения народного и социокультурного подходов к гармонизации процесса взросления. Особое внимание обращается на феномен инициального взросления, который в традиционных культурах маркировался сложной системой ритуалов.

Ключевые слова: инициальные обряды, социализация, подростки, возрастной кризис, народная педагогика, возрастные объединения.

A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE ATTEMPTS
OF CORRECTION OF THE AGE-SPECIFIC CRISIS OF TEENAGERS
BY MEANS OF THE FOLK PEDAGOGICS

T. I. Golovko (Barnaul)

The paper presents an analysis of the attempts of correction of the age-specific crisis of teenagers by means of the folk pedagogics. There is considered the positive though fragmentary experience of combining the folk and socio-cultural approaches to harmonization of the processes of moving into adulthood. A special attention is given to the phenomenon of moving into adulthood by initiation, which is marked in the traditional culture by a complex system of rituals.

Key words: initiation ceremony, socialization, youth, age-specific crisis, folk pedagogics, age-specific groups.

© Головки Т. И., 2012

Головки Татьяна Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности, Алтайская государственная академия культуры и искусств.

E-mail: ti_golovko@mail.ru

Классики отечественной педагогики не раз высказывали идеи о продуктивности использования многовековых традиций народной культуры в преодолении подростками одного из наиболее сложных этапов их жизненного пути. Характерным приемом снятия напряжения (эмоционального, психического), по их мнению, в народной педагогике считалось (признавалось доминантным и действенным) наличие смехового начала, специфика которого заключается в амбивалентности: смех позволял уничтожить деструктивное и актуализировать конструктивное начало как в осмеиваемой ситуации, так и в личности смеющегося/смеющихся. На наш взгляд, особую методологическую значимость в контексте данных размышлений могут иметь идеи о роли этнической культуры в развитии личности; о развитии нравственного сознания и поведения подростков в традиционной культуре; обоснование возможности использования этнопедагогических факторов, средств, приемов, методов в условиях современной социокультурной деятельности. Без традиции, по словам Н. А. Бердяева, невозможна никакая национальная культура, в которой органично сочетается «момент консервативный и момент творческий <...> Под консервативным моментом понимается связь с духовным прошлым, внутреннее принятие из этого прошлого того, что в нем есть наиболее священного» [1, с. 31].

Кроме того, для нас представляют интерес методологические подходы, ставящие в центр научной проблематики тенденции развития отечественной сферы социокультурной деятельности и досуга, в частности. В логике этих рассуждений нам представляется важным наблюдение В. В. Туева, который в развитии современных социокультурных процессов выделил дихотомические пары актуальных тенденций, куда входит тенденция фольклоризации и вестернизации содержания и форм социально-культурной творческой деятельности. По мнению В. В. Туева, демократические процессы, нашедшие отражение в сфере досуга и творчества, но не базирующиеся «на глубокой культурно-образовательной традиции», сопровождаются управленческой, технической, досуговой малограмотностью населения, общей его малокультурностью, «тем, что мы называем синдромом досугового примитивизма» [2, с. 74]. Вместе с тем, наблюдается и «гипертрофия профессионализации сценического самодеятельного искусства в ущерб подлинно народному» [2, с. 74]. Кроме того, носителем и популяризатором традиционной народной культуры чаще всего выступает художественная элита профессионально подготовленных людей. «В результате городские интеллигенты или навязывают сельскому жителю урбанистические культурные ценности, или привозят из города и насаждают в деревне архаичный, суррогатный «сельский фольклор» [2, с. 75].

Вместе с тем, тенденция фольклоризации творческой деятельности является динамично прогрессирующей. Широкое этнонациональное движение вызвано к жизни как альтернатива процессу всеобщей американизации, но приобретает сегодня как позитивные, культуроразвивающие формы, так и эпигонские национальные черты. Мы разделяем идею В. В. Туева о том, что тенденция фольклоризации социально-культурной и творческой деятельности в России набирает силу как на научном, так и

на практическом уровнях. Однако параллельно с фольклоризацией столь же активно развивается в современном российском обществе и тенденция вестернизации досуга и творчества. Следует уточнить, что под термином «фольклор» В. В. Туев понимает не только устное народное поэтическое творчество, но формы народной традиционной культуры в целом. Система народной традиционной культуры в силу своей многосоставности и полифункциональности имеет универсальный характер и вневременное значение, обладает высокими адаптивными способностями. Традиции народной культуры сохраняются порой «в свернутом» состоянии и способны к самовосстановлению в благоприятных условиях. Народная педагогика – та часть традиционной культуры, которая привлекает сегодня внимание этнографов, социологов, психологов и педагогов. Тысячелетний опыт народной педагогики выкристаллизовал наиболее эффективные средства воздействия на личность. Вместе с тем, целесообразно подтвердить факт фольклоризации социокультурной деятельности новым материалом, осуществив ретроспективный анализ специфики народной педагогики в России и, в качестве контрольного материала, привлекая информацию о традициях нейтрализации кризиса взросления в архаических цивилизациях.

Исследованная нами литература по русской народной педагогике свидетельствует о наличии нескольких подходов к фиксации и педагогической спецификации кризиса взросления. Русский советский писатель В. И. Белов в книге «Лад. Очерки народной эстетики» [3], представив множество верных и глубоких наблюдений о различных сторонах сельской традиционной жизни, отметил, что народная мудрость щадила неокрепшее самолюбие подростка; даже в тяжелых условиях жизни народ старался держать отроков подальше от социального зла и бедствий, непонятных и недоступных детскому сознанию. Вместе с тем, становление мальчишеского характера во многом зависело от подростковых игр. В. И. Белов отмечал, что в отрочестве мальчики и девочки играют отдельно и задирают друг друга. Отношения в играх мальчиков были предельно регламентированы, и взрослым они часто казались жестокими, но вмешиваться в ход игр было непозволительно – принципиально: победить необходимо было самому подростку. Одна такая победа еще в отрочестве превращала мальчика в мужчину.

Игры девочек, по замечанию В. И. Белова, не имели подобной направленности, отличались спокойными, лирическими взаимоотношениями играющих. Не в чести были «бой-девочки», стремившиеся играть в мальчишеские игры. Период отрочества – яркий по активности, по освоению и познанию окружающего мира. Участвуя в праздниках, обрядах, требующих удали, озорства (святочные, масленичные обряды), подростки и юноши пробуют свои силы, учатся цепкости, хватке. «В этом их возраст» – так понимали это в традиционной культуре и умели управлять этими устойчивыми познавательными интересами. Самая безобидная игра в любой момент может перейти в шалость, шалость – в баловство, а баловство – в хулиганство. Поэтому старшие всегда в зародыше пресекали шалость, поощряя и сохраняя четкие границы в забавах, а в играх – традицию и незыблемость правил [3, с. 120]. Таким образом, по мнению В. И. Белова, в

народной воспитательной практике кризис взросления выделялся старшими поколениями, и к подросткам, находящимся в состоянии кризиса, относились особенно внимательно.

Вместе с тем, для нас представляют интерес идеи авторов, утверждающих, что воспитание мальчика-подростка в традиционной культуре русских было столь органично вплетено в жизнедеятельность всех поколений, что говорить о кризисе взросления отроков не приходилось. На XII чтениях, посвященных памяти Г. С. Виноградова, выдающегося исследователя этнографии детства начала XX в., прозвучали идеи авторского коллектива в составе В. В. Николина, Г. Н. Базлова, А. Р. Каримова об идеальной модели системы возрастного воспитания мужчины в традиционной русской культуре [4]. По мнению А. Р. Каримова, каждый возраст имел свое жизненное пространство, в котором он большее время находился и на которое был ориентирован. Если для ребенка (до 7 лет) таким пространством были дом и двор, а первым институтом воспитания выступала семья, то для подростка (от 9 лет) наступал самый активный возраст для познания окружающего мира. Его пространство включает дом, усадьбу, поле, лес. В этот период он несколько раз переходит из одного возрастного объединения (беседы) в другое, проходя через испытания (инициации). Возрастные объединения и взрослые наставники (дядьки) воспитывали, развивали необходимые качества, отслеживали уровень готовности для перехода в следующую возрастную группу или в мужскую корпорацию (партию) [4, с. 82]. Для нас представляет интерес авторский анализ этнографического материала о делении бесед и их функциях на Севере России. А. Р. Каримов указывает, что возрастные объединения этого периода имели три беседы: младшая, средняя и старшая. Ребята младшей беседы учились борьбе, играм в прятки, участвовали в мужской игре всех возрастов – кулачном бое «стенка на стенку». Кулачный бой в русской традиционной культуре – школа воспитания юноши. Через традиционные праздничные рукопашные состязания подросток, а затем и парень не только развивали физические качества, но и приучались к высокой самодисциплине и ответственности, учились подчиняться, узнавали значение иерархии и силу коллектива. Подростки средней беседы (12–14 лет) имели своего вожака – атамана. В кулачном бою они бились уже строем – линией. Эта русская народная забава получила название «любока»; бои называли «полюбовными», участвовать в них можно было только по желанию, по вольной воле. Запрещено было выходить на бой ожесточенным или из-за личной мести; запрещались такие способы ведения боя, которые приводили к умышленному травмированию соперника [3, с. 85]. Таким образом, делает вывод А. Р. Каримов, воспитание происходило явно, открыто, на глазах у всех, что содействовало его успеху.

Иллюстративный материал, предлагаемый вышеназванными авторами, представляет характеристику такой фазы развития подростка, которая в работах В. Тэрнера определяется как «лиминальная» (limen – порог). «Лиминальные существа ни здесь ни там, ни то ни се; они в промежутке между положениями, предписанными и распределенными законом, обычаем, условностями и церемониалом» [5, с. 169]. В. Тэрнер называл следующие

свойства лиминалиев: бесполость, анонимность, покорность и молчание. Так, неофит в лиминальности должен быть чистой доской (*tabula rasa*), на которой записывают знания и мудрость группы, касающиеся нового статуса [5, с. 177]. Все обряды перехода из одного статуса в другой имеют три фазы. Первая фаза – разделение – включает в себя символическое поведение, означающее открепление личности или группы от занимаемого ранее места в социальной структуре. Во время промежуточного, собственно лиминального периода, особенности «переходящего» двойственны («уже не ребенок, но еще не взрослый»). В третьей фазе (восстановления, воссоединения) переход завершается. «Ритуальный субъект» (термин В. Тэрнера) опять обретает сравнительно стабильное состояние и получает новые права и обязанности, определяемые его новым социальным положением.

В условиях общинно-родового строя среди обрядов перехода, которыми отмечались моменты изменения социальной идентичности человека от рождения до смерти, особую роль играли обряды инициации, сопровождавшие переход подростка в иное социальное состояние. Инициации являлись важнейшим элементом воспитания. Первоначально, в раннепервобытных общинах, характеризовавшихся ранним социальным созреванием, они осуществлялись по достижению детьми девяти-однанадцатилетнего возраста и предвещали принятие их в полноправные члены первобытного коллектива. Заключительному ритуальному обряду предшествовала более или менее длительная подготовка к переходу от невежества к знанию, от безответственности к долгу, от безмятежного детства к дисциплинированной зрелости. Так, австралийские инициации, описанные М. Элиаде, постепенно вводят новичка в священный мир. Во-первых, посвящаемый отделяется от «профанного» мира детства, где он находился под опекой и руководством матери. Затем ему открывают священную историю, которая в конце концов приводит его к пониманию собственной духовной сущности. И наконец, на «священной земле» проводятся тайные ритуалы [6, с. 149]. Подобное описание посвячительных обрядов мы встречаем в древнеиндийской и древнекитайской цивилизациях (Р. Б. Пандей [7], В. В. Малявин [9]). Авторы отмечают, что более сложными и продолжительными были инициации мальчиков. Они включали несколько важных моментов: мальчиков изолировали от прежнего социального окружения, помещая в исключительно мужское общество, где они приучались к беспрекословной дисциплине, к безусловному выполнению всех правил поведения взрослого члена общины; знакомили с религиозными представлениями и сакральными таинствами; рассказывали им мифы и предания, обучали ритуальным действиям; учили изготавливать орудия охоты и рыбной ловли, знакомили с особенностями поведения животных, формировали охотничьи и воинские навыки и умения; приучали переносить трудности и лишения, развивали у мальчиков выносливость, волю, смелость.

Только после прохождения цикла специальной подготовки дети допускались к участию в церемониях посвящения, во время которых испытывалась (порой довольно жестоко и болезненно) их воля, смелость, стойкость, выносливость, проверялось качество усвоенного опыта. Ритуальные це-

ремонию проходили в присутствии всех членов племени, при свете костров, сопровождалась песнями, танцами. Все это придавало особую торжественность событию, призванному максимально эффективно воздействовать на психику и поведение посвящаемых, укрепить в их сознании представление о качественном изменении их общественного статуса, подчеркнуть особое значение перехода из одной возрастной группы общины в другую, вдохновить на овладение новой социальной ролью.

Инициации девочек, по замечанию М. Элиаде, проще, чем инициации мальчиков [6, с. 178]. Более того, многие исследователи сомневаются, что обряды, которым подвергается девочка, вообще можно рассматривать как инициации, подчеркивая, что правильнее их называть пубертатными обрядами. Разрыв с миром детства провоцируется физиологическими симптомами и по этой причине инициация девочек – индивидуальна. Во время периода изоляции девочек учат старшие женщины; от них посвящаемые узнают определенные мифы, песни и, в особенности, поведение и обязанности замужних женщин. Заключительная церемония проста, но так же, как в церемониях мальчиков, существенна. «После ритуального купания девочку с процессией ведут в основное поселение под шумные возгласы одобрения, и ее социально принимают как женщину» [6]. По мере постепенного продления возраста детства в последующие исторические эпохи период превращения ребенка во взрослого включал все большее количество циклов инициации. Последние менялись также по формам в соответствии с расширением их социально-психологического смысла (конфирмация, первое причастие, присяга и т. д.), распространяясь практически на всю жизнь человека. Так, по мнению Р. Б. Пандея, созданная древними индийцами схема обучения, предназначенная для посвящения и подготовки молодых людей к полноценному участию в обществе, была большим шагом вперед по сравнению с простой идеей инициации [7, с. 112]. Представления индийцев основывались на том, что человеку необходима определенная культура, чтобы войти в общину и пользоваться всеми ее правами и привилегиями. Без *упанаяны* (посвящения) никто не мог называться «дважды рожденным». Тот, кто не проходил посвящения, считался исключенным из общества «дважды рожденных» и лишенным всех привилегий.

Инициальные обряды не исчезают при переходе архаических сообществ в стадию цивилизации, но их специфика соотносится уже не столько с преодолением возрастных «порогов», сколько с включением в особую социальную структуру. Таковы, например, инициации юных спартанцев [8], переходящих из категории подросткового клана в клан фратрий – мужских сообществ, где социальные роли зависели от успешности инициальных действий. В цивилизации Древнего Китая особо значимы в контексте нашего исследования законы *сяо* – сыновнего послушания, которые в рамках учения Конфуция могут и должны сформировать в лиминальной индивидуальности ощущение, а не только знание *ли* – специфического соединения этикета, нормы и традиции [9, с. 550].

Большое значение инициальных обрядов для народов Земли подчеркивал В. Я. Пропп, анализируя тексты волшебных сказок народов мира с акцентом на русскую составляющую жанра. Очевидность принципиальной значимости ритуального оформления перехода из одной возрастной кате-

гории в другую для В. Я. Проппа доказывает факт инвариантности в сказочном сюжете испытаний, специфичных для юношей и девушек. Так, инициальными действиями для героя оказываются вспашка и засеивание поля, строительство дома, победа над врагом; для героини – выпечка хлеба, ткание полотенца (ковра), «налаживание отношений» с домашними животными и пр. [10]. Трансформация интересующих нас ритуальных действий, оформляющих ситуацию перехода из одной возрастной и социальной группы в другую, может быть рассмотрена в контексте концепций культурогенеза и морфогенеза, в сущности, составляющих две стороны единого процесса генезиса человеческой цивилизации. Однако подробное рассмотрение этого аспекта не входит в нашу задачу, поэтому размышления о характере возрастных инициаций, представленные в работах В. И. Белова, А. Г. Каримова и др., мы продолжим, максимально приближая хронологический пласт исследования к современному периоду.

В послереволюционной России обряды инициации существовали в институтах октябрят, пионеров, комсомольцев, военно-спортивных организаций, студенческих строительных отрядов. Позже, в 1980–1990-е гг., они частично видоизменялись, частично были насильственно отменены и не заменены никакими общественно организованными формами посвящения ребенка в соответствующий каждому этапу его психофизического взросления новый социально-психологический статус.

Вместе с упразднением различных социализирующих формирований подрастающее поколение потеряло эффективный инструмент социально-психологического созревания личности. По мнению Ю. С. Шевченко, такое «блокирование фило- и онтогенетически обусловленной потребности в инициации проявляется в агрессивном-асоциальном поведении стихийно формирующихся подростковых групп или психических расстройствах, типологически сходных с переживаниями во время инициации» [11, с. 247]. Это утверждение специалиста в области детско-подростковой психиатрии легло в основу методики семейно-групповой интенсивно-экспрессивной психотерапии (ИНТЭКС), разработанной в соответствии с традиционными этолого-культуральными обрядами инициации [12]. В силу узкой специфики названной работы, ее прямой ориентации на терапию, а не на профилактику возрастных девиаций мы не станем приводить ее в качестве иллюстрации или методических ориентиров, признавая, тем не менее, как ее оригинальность, так и несомненную продуктивность в области детской психиатрии.

Ситуация, сложившаяся в России в 1990-х гг., вольно или невольно была ориентирована на западноевропейскую систему воспитания, недостатки и уязвимые места которой отмечала еще в 1930–40-е гг. Р. Бенедикт – ученица основателя этнопсихологии Ф. Боаса. По ее мнению, современные «западные» нормы воспитания и институты социализации отличаются от социализации в традиционных культурах тем, что не только не облегчают переход к взрослому состоянию, но даже затрудняют его. Это во многом связано с присущим западным культурам подчеркиванием контраста между нормами поведения взрослых и детей. По мнению Р. Бенедикт, подобное воспитание приводит к подростковому кри-

зису, к тому, что «западному» подростку трудно «попасть в мир взрослых» (цит. по : [13, с. 11–12]).

В ситуации начала нового тысячелетия, когда кризисные моменты общего социокультурного положения России с очевидностью осложняются недостатками и просчетами в системе воспитания детей и подростков, обращение к классическому педагогическому наследию, основанному на принципах народной педагогики, оказывается не только оправданным, но едва ли не единственно продуктивным. Это касается как отечественной народной педагогики, так и наследия западноевропейских педагогов-классиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. А. Смысл истории. – М. : Мысль, 1990. – 175 с.
2. Туев В. В. Актуальные тенденции развития социально-культурной деятельности в России XXI века // Социально-культурная деятельность: история, образование, практика : межвуз. сб. науч. ст. / ред.-сост. В. В. Туев. – Кемерово : Изд-во Кемеров. гос. акад. культуры и искусств, 2002. – С. 70–79.
3. Белов В. И. Лад : очерки о народной эстетике. – М. : Молодая гвардия, 1982. – 293 с.
4. Каримов А. Р. Возрастное воспитание мужчины в русской традиционной культуре // Этнопедагогика. Теория и практика : материалы XII чтений, посв. памяти Г. С. Виноградова / сост. С. Г. Айвазян. – М. : Ин-т наследия им. Д. С. Лихачева, 2003. – С. 81–88.
5. Тэрнер В. Символ и ритуал / сост. и автор предисл. В. А. Бейлис. – М. : Наука, 1983. – 277 с.
6. Элиаде М. Религия Австралии / пер. с англ. Л. А. Степанянц. – СПб. : Университетская книга, 1998. – 318 с.
7. Пандей Р. Б. Древнейшие домашние обряды и обычаи / пер. с англ. А. А. Вилигина. – М. : Высшая школа, 1990. – 319 с.
8. Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / пер. с польск. В. К. Ронина. – М. : Высшая школа, 1986. – 495 с.
9. Малявин В. В. Китайская цивилизация. – М. : Дизайн. Информация. Картография, 2003. – 627 с.
10. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне) / науч. ред., ком. Ю. С. Рассказова. – М. : Лабиринт, 1999. – 288 с.
11. Шевченко Ю. С. Использование этологических механизмов инициации в психотерапии подростков // Подростки и молодежь в меняющемся обществе : сб. тез. Междунар. конф. «Проблемы девиантного поведения молодежи в современном обществе» (г. Санкт-Петербург, СПбГПИМА, 16–17 окт. 2001 г.). – СПб. : Изд-во СПбГПИМА, 2001. – С. 246–248.
12. Шевченко Ю. С., Добридень В. П. Радостное взросление: развитие личности ребенка (методика ИНТЭКС). – СПб. : Речь, 2004. – 202 с.
13. Воробьева Л. И., Петровский В. А., Фельдштейн Д. И. Психологическая роль и место подросткового возраста в онтогенезе // Психология современного подростка / под ред. Д. И. Фельдштейна. – М. : Педагогика, 1987. – С. 6–36.

Принята редакцией: 21.04.2012